

СОЧЕТАЕМОСТНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РУССКИХ ЛЕКСЕМ “ВЕСЬ” И “ЦЕЛЫЙ” С ИСЧИСЛЯЕМЫМИ ИМЕНАМИ

Универсальность – одна из базовых логических категорий. Она лежит в основе определенного типа референциального акта – отнесения высказывания сразу ко всем объектам некоторого класса. Подобный денотативный статус в русском языке имеют кванторные универсальные местоимения *всякий, любой, весь* (Падучева 1985, 134). Их называют также местоимениями всеохватности (Шведова 1998, 16-17), местоимениями всеобщности (Арутюнова 2002, 365), обобщенно-распределительными местоимениями (Лопатин 1989, 128). В частности, местоимение *весь*, придавая именной группе или высказыванию универсальный денотативный статус, привносит в них значения ‘всеобщности’, ‘всеохватности’, ‘цельности’, ‘неделимости’. Таким образом, оформляя универсальный денотативный статус именной группы, местоимение *весь* реализует свое лексическое значение, способно привносить в высказывание дополнительные оттенки и реализовывать не только чисто местоименные значения, но и квалификативные. Не случайно значение местоимения *весь* соотносится со значениями прилагательных *целый, полный*. Вл. Даль частеречную принадлежность слова *весь* определяет как «местоимение и прилагательное».

В МАС зафиксировано шесть значений местоимения *весь*. Их можно распределить в две группы. В первую группу войдут значения, так или иначе указывающие на полный объем чего-либо, то есть реализующие сему ‘всеохватность’. Во вторую группу могут войти те значения слова *весь*, в которых на первый план выдвигается качественная характеристика какого-либо объекта или явления. В этих случаях *весь* указывает на полноту, интенсивность признака. Таким образом, в первой группе на первый план выдвигается значение всеохватности, и слово *весь* выступает в местоименной функции, оформляя универсальный денотативный статус имени. Во второй же группе на первый план выдвигаются квалификативные значения интенсивности и полноты признака. В этом случае слово *весь* употребляется в функции интенсификатора признака, действия или состояния. Несомненна также связь слова *весь* с классом частиц. Во-первых, само оно относится к разряду гибридных слов, и часто бывает трудно определить, функции какой части речи в конкретном высказывании оно выполняет. Ср. примеры Т.М. Николаевой: (1) *Он всё читает подряд*; (2) *Он всё читает и читает*. (Николаева 1985, 12). Во-вторых, слово *весь* часто входит в контексты с ограничительными частицами *только, еще, один* и играет роль своего рода контекстного фона, ср.: (1) *Все соседи на*

нашей лестнице радовались за Полину, и только жена капитана не разговаривала с ней; (2) *Всю нежность он хотел отдать только ей, только Сюзь*; (3) *Все наши были во Владычине. Один папа, как всегда, оставался в Туле* (см. там же, с. 69).

Слово *весь* — это слово со сложной семантикой, многофункциональное, способное входить в сложные, неоднозначные контексты. Однако основу его семантики, тем не менее, составляют значения всеохватности, универсальности, исчерпываемости, завершенности. На базе именно этих значений сформировались значения превосходности, высшей степени проявления признака, исключительности, полноты охвата.

Слово *весь* соотносится со значениями прилагательных *целый*, *полный*. Так, в МАС зафиксировано семь значений прилагательного *целый*. Некоторые из этих значений тоже указывают на полноту объема, целостность, а также на исчерпываемость количества. Однако при этом есть, хотя и очень тонкое, но принципиальное, на наш взгляд, различие в семантике слов *весь* и *целый*. Так, если значение слова *весь* чаще ориентировано на охват объектов, на вовлечение их в некоторое множество (то есть на появление нового члена множества), на увеличение (то есть прибавление) объема, то значение прилагательного *целый* чаще ориентировано на запрет к изъятию чего-либо из определенного множества, на сохранение имеющегося объема. Подобная тонкость в различении семантик двух слов отражена также и в словарях при толковании прилагательного *целый*. Возможно, именно эта особенность семантики слова *целый* способствовала развитию таких его значений, как (4) *Неразрушенный, непорванный и т.п.; неповрежденный. Мы вошли в дом. Всё было цело* (Гаршин); (5) *Не раненый, здоровый, невредимый*; (6) *Сохранившийся, не пропавший, не исчезнувший*. Все указанные значения объединяет общий элемент смысла: «то, до чего не дотрагивались», «то, что не изменяли», «то, объем чего не претерпевал изменений». Ср. также приводимые Далем производные от слова *целый*: *Целость* — состояние, качество целого. *Блюда за целостью дома. Целостный, целевой* — целый и цельный, неурезанный, неубавленный. *Нравственно целый, доблестный. Целостное житие. Цельный* — целый, нерушенный, нетронутый. *Цельное молоко, с коего не сняты сливки. Цельная земля (непаханая). Цельное вино (без подмеси). Целизна* — нравственная целостность, непорочность. *Духовная целизна. Целизна сердца*. А также // *целизна, целина* — земля, вовсе никогда непаханая. *Целик* — один цельный каменище; // *вековой нетронутый лес; // простор без дороги, неезженный, нетореный, не накатанный путь. Целуха* — глазунья. *Целить* — исцелять, врачевать, лечить (целебный — исцеляющий; целитель, целебник — врач). *Целовать* — приветствовать, желать целости, здравия // *поздравлять, изъявлять пожелания; // ныне: лобызать. Целованье* — лобызанье, обниманье, приветствие, присяга (то есть обещание не нарушать,

ны по своей семантической структуре: (1) *Все люди смертны*; (2) *Все люди братья*; (3) *Все четные числа кратны*; (4) *Все розы белые*. Так, в высказывании (1) предикат «смертны» указывает на стационарный признак субъекта. Причем, на такой стационарный признак, который, в целом, не может стать предметом дискуссии и не может быть оспорен. Поэтому подобная мысль чаще оформляется при помощи общего суждения «Человек смертен», где субъектом выступает более абстрактное имя, передающее общеродовое понятие. В целом же, по степени обобщенности субъекта можно выделить три следующих типа высказываний: (а) *Человек смертен*; (б) *Люди смертны*; (в) *Все люди смертны*. Если форма единственного числа подчеркивает более обобщенный характер субъекта, то именная группа «все люди» подчеркивает дискретность данного множества, снижая тем самым степень обобщенности субъекта. Так, предикаты, указывающие на стационарный признак субъекта, чаще встречаются в предложениях типа (а) и (б) и избегают типа (в). Ср.: *Звезды светятся. Спутники вращаются*. Высказывания *Все звезды светятся*; *Все спутники вращаются* не меняют значения, но требуют более широкого контекста. Но при этом высказывание *Все люди смертны* самодостаточно и не требует более широкого контекста. По всей вероятности, это объясняется тем, что проблема смертности человека в некоторых случаях подлежит дискутированию (в связи с проблемой бессмертия), а следовательно, делается попытка оспорить стационарность данного признака. По этой причине в некоторых контекстах уместнее оформить субъект в форме именной группы *все люди*, выделяя сему 'исчерпываемость'. По этой же причине аномальным будет высказывание **Мы смертны*, тогда как вполне корректно высказывание с субъектом-инклюзивом – *Все мы смертны*. В высказывании *Все люди – братья* предикат выражает «ложно»-стационарный признак субъекта, поэтому данное высказывание контекстно зависимо и может иметь в качестве субъекта только именную группу *все люди*, в которой актуализирована сема 'исчерпываемость'. Ср. некорректное высказывание **Люди – братья*. А инклюзив *все мы* в определенных контекстах меняет значение предиката. Ср.: *В походе все мы братья. Мы непохожи, но все мы братья*.

В предложениях с обобщенным значением, выражающих «ложно-прописные» истины (мнение определенной группы людей, выдаваемое за «прописную истину»), предпочтительнее субъект с кванторным местоимением *все*, подчеркивающим охват всего класса объектов. Ср. общие суждения, обычно приписываемые женоненавистникам или мужененавистникам: *Все женщины – змеи. Все мужчины – подонки*.

В высказывании *Все розы белые* предикат указывает на нестационарный признак. Поэтому данное высказывание обязательно должно являться частью более широкого контекста, ср.: *В нашем саду / у нас / здесь / эти розы белые*.

Высказывания с предикатами классифицирующего типа, в которых предикат выступает гиперонимом субъекта и включает его в некоторый класс объектов, всегда требуют высокой степени обобщенности субъекта. Так, в следующих парах предложений корректным является первое из них: *Кип — млекопитающее. * Все киты — млекопитающие. Земляника — ягода. * Все земляники — ягоды.* Таким образом, сочетаясь с исчисляемыми именами, слово *весь* актуализирует два значения — исчерпывающего количества некоторого множества предметов (*Перечитать все книги*) и полноты охвата предмета (*Прочитать всю книгу*).

К местоимению *весь* близко по семантике прилагательное *целый*, которое, однако, сочетаясь с некоторыми исчисляемыми именами, актуализирует несколько иное значение — чего-то, как правило, значительного по размеру, величине, объему, весу, ценности. Ср.: *Он за час перечитал целую книгу; Предприниматель отремонтировал на свои средства целый дом; Он подарил библиотеке целые тома, построил в городе целые улицы (разг.).* Подобное значение накладывает ограничения на сочетаемость прилагательного *целый* с исчисляемыми существительными, называющими малые по объему предметы, ср.: **целая щетка, булавка, кнопка, пуговица и т.д.* Подобные имена могут сочетаться с прилагательным *целый* только в тех контекстах, где они мыслятся как большие и значительные по объему. Ср.: *Целый гвоздь проглотил — и ничего! Целой иголкой укололся, но не заметил.* Интересно в связи с этим сочетание прилагательного *целый* с наименованиями продуктов питания, где оно выступает своеобразным «индикатором» значимости и величины объема предмета. Ср. часто встречающиеся и весьма обычные выражения *съесть целый арбуз, апельсин; целую дыню, сосиску; целое яблоко.* Но, по крайней мере, редко можно встретить выражения *съесть целую сливу, оливку* и тем более такие выражения, как **съесть целую вишню, клубнику.* Вполне очевидно, что ограничения на сочетаемость связаны с величиной продукта. Интересно также, что с прилагательным *целый* сочетаются те имена, которые также сочетаются со словом *половина* (пол-). Так, вполне естественно *съесть половину арбуза, пол-апельсина, половинку дыни*, но вряд ли естественно *съесть полсливы, пол-оливки* и уж тем более — **полвишни, полклубники!* Однако ср.: *съесть целых две сливы, целых пять вишен.*

Прилагательное *целый* трудно сочетается также с именами, называющими такие предметы, которые только в редких случаях способны приобрести статус «значительных». Поэтому если вполне естественными представляются высказывания типа *Ему подарили целую скрипку, целую картину*, то высказывания типа *Ему подарили целую бритву, целый платок* возможны в каких-то особых, чаще ироничных контекстах. По той же причине слово *целый* не сочетается с существительными, имеющими в своем составе уменьшительно-ласкательные суффиксы. Ср.: *насадить*

целое пятно, но *насадить целое пятнышко; съесть целый арбуз, но *съесть целый арбузик. И наоборот – слово *целый* легко сочетается с существительными, имеющими в своем составе увеличительные суффиксы (особенно в антонимических контекстах). Ср.: *Не дом – а целый домище! Не арбуз – а целый арбузище!* В подобных контекстах в антонимической паре часто выступают два синонима или две лексемы одной тематической группы. Ср.: *Не ребенок – а целая детина! Не лужа – а целое озеро!* Ср. также фразеологизированную синтаксическую конструкцию, лексическое наполнение которой составляют подобные пары слов: *(Да) какой (там) песик! Это (ж) (целый) волкодав! (Да) какой (там) домик! Это (ж) (целый) домище / дворец!*

Слово *весь* в аналогичных контекстах может передавать противоположное значение, выступая в составе фразеологизированных высказываний, антонимичных предыдущим. Ср.: *И это весь их дворец?! Так это ж просто избушка!* Подобные конструкции экспрессивны, указанные лексемы выступают в них в составе оценочного предиката. И эти предложения можно считать разновидностью сравнительной конструкции, в которой присутствуют два сравниваемых члена.

Подытоживая наши наблюдения над сочетаемостью слов *весь* и *целый* с исчисляемыми именами, мы можем сделать следующий вывод. Слово *весь* в полной мере реализует свою местоименную функцию – указывает на универсальный тип предметной отнесенности имени и, как правило, в нейтральных контекстах, выступая в составе именной группы в качестве субъекта или объекта, не приобретает оценочных, квалификативных значений. Но при этом в определенных контекстах, во фразеологизированных синтаксических конструкциях слово *весь*, выступая в составе предиката, передает значение отрицательной оценки. Прилагательное же *целый*, оправдывая свою частеречную принадлежность, последовательно актуализирует аксиологическое значение, всегда в той или иной мере оценивая значительность размеров, объема предмета или ценность объекта.

Литература

1. Арутюнова 2002 – Арутюнова Н.Д. Вступление. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. С. 3-18.
2. Лопатин 1989 – Лопатин В.В., Милославский И.Г., Шелякин М.А. Современный русский язык. Теоретический курс. М.: Русский язык, 1989.
3. Николаева 1985 – Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. М.: Наука, 1985.
4. Падучева 1985 – Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985.
5. Шведова 1998 – Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. М., 1998.